

А. С. ТАББ

ПОСЛЕДНИЕ ИЗ ГРОВОВЩИКОВ

Фантастический рассказ

Был знойный летний день, и население Сенте-Форкса (12 057 душ) томилось от жары. С неба донесся и быстро замер вдали гул самолета; в долине, постукивая колесами, мчался на запад поезд. На Мэйн-стрит прожужжало несколько турбокаров, развозивших по клубам домохозяек. В тени лениво почесывалась одинокая дворняга.

В городке Сенте-Форкс царили мир и покой.

— Вот было бы здорово, — с вождением проговорил Эфраим Фингл, взглянув на небо, — если б «Бизнесмен Спешэл» вдруг сбился с курса и вмазал в Обсосанный Леденец.

На борту самолета «Бизнесмен Спешэл» находилось триста пассажиров, а Обсосанный Леденец был единственной в округе горой.

— Лучше б уж «Серебряная Молния» сошла с рельсов у Морганс-Кроссинга, — с еще большим вожделием сказал Люк Иргард.

Поезд «Серебряная Молния» вез три тысячи пассажиров, а Морганс-Кроссинг был расположен на пять миль ближе к Сенте-Форксу, чем Обсосанный Леденец. Представив себе все последствия такого события, оба мечтательно вздохнули.

На той стороне улицы распахнулась дверь кабачка «У Сэма», и появился Джо Уэстон, городской пьянчужка, который, сильно пошатываясь, побрел к краю тротуара. Только он ступил на мостовую, как в конце улицы возникло расплывчатое красно-зеленое пятно — летящая на полной скорости машина. Заметив напротив, через дорогу, яркий прямоугольник экрана уличного телевизора, Джо заплетающейся походкой устремился к нему. Когда не осталось сомнений, что пути машины и пьяницы должны неизбежно скреститься, Эфраим и Люк напряженно замерли.

— А вдруг? — Эфраим был оптимистом.

— Пустой номер. — Люк был пессимистом, и пессимист Люк окаялся прав.

Защитное поле, как всегда, сработало безотказно. Машина прожужжала мимо. Пьяница, целый и невредимый, поднялся на ноги в том месте, куда его мгновенно переправило защитное поле; с минуту он обалдело раскачивался из стороны в сторону, потом, сориентировавшись, опрометью бросился назад через дорогу. На стук двери кабачка эхом отозвался вырвавшийся у Эфраима вздох разочарования.

— Этому городу, — с глубокой убежденностью произнес Эфраим, — совершенно необходимы настоящие солидные похороны по первому разряду.

— Катафалк в сопровождении пятнадцати автомашин, — сказал Люк — Черных величественных лимузинов.

— Красного дерева гроб ручной работы с серебряной фурнитурой, оббитой изнутри алым шелком.

— Кого бы я с удовольствием похоронил, — свирепо заявил Люк, — так это того посла, как его там?..

— Сигк Геслигк. — Это имя засело в сердце Эфраима, как заноза. — С Ригеля, — добавил он.

— Вот-вот. — Люк аж почернел. — Его б я положил в простой гроб из необтесанных сосновых досок.

— Короткий, не по мерке, — подхватил Эфраим. — И без обивки.

— С оцинкованными ручками. И никаких цветов.

— Без бальзамирования и наемных плакальщиков.

— Ни плакальщиков ему, ни музыки, ни процессии.

— И зарыть его в неосвященной земле за оградой кладбища.

Разговор несколько странный, если принять во внимание, что речь шла о величайшем благодетеле человеческого рода.

Прогресс безжалостен: время от времени кого-нибудь обязательно ставят к стенке, и едва ли тот, кто обречен на это, испытывает удовольствие. Ни Эфраим, ни Люк не отрицали, что взамен утраченного они получили неплохую компенсацию, но они не были бы людьми, если б иногда с болью в душе не вспоминали добрые старые времена. Когда с Ригеля прибыл

Сигк Геслигк и открыл землянам секрет бессмертия, он тем самым нанес смертельный удар благородной уважаемой профессии.

К стенке поставили гробовщиков.

Конечно, иногда еще подвертывалась кое-какая работенка, но разве ее можно было сравнить с тем, что было раньше! Эфраим вздохнул, вспомнив последние похороны, устройством которых занималась их фирма. Любимая собачка миссис Чедуэлл, этот омерзительного вида китайский мопс, впопыхах вместо специально для нее отваренного тощего цыпленка сожрала крысиный яд и после недолгих страданий издохла. Весь город сбегался поглазеть на погребальную церемонию.

Однако как ни прикидывай, а похороны собаки — это совсем не то. Хотя бы потому, что они не вызывают того особого уважения, с которым относятся к похоронам человека, а как Эфраим, так и Люк высоко почитали свою профессию.

— На несчастные случаи рассчитывать не приходится, — сказал однажды Люк, когда они только еще приступили к обсуждению вопроса о слиянии их фирм. — При наличии защитных полей и прочих штук-дрючек, которые спасают от смерти зазевавшихся идиотов, несчастных случаев теперя практически не бывает.

— А самоубийства? — Эфраим напомнил о проверенном аэками, надежном источнике дохода.

Люк отрицательно покачал головой.

— Нынче люди не впадают в депрессию, — сказал он. — А если и впадают, то не до такой степени, чтобы в этом состоянии покончить с собой. Нет, у нас с вами только один выход — стать компаньонами и все расходы нести пополам. Иначе и вы и я будем вынуждены свернуть дело.

Но, как потом оказалось, эта акция только отсрочила неизбежный крах.

Собака перестала почесываться и отправилась обследовать соседние деревья. Джо Уэстон, шатаясь пуще прежнего, вылез из кабачка и на сей раз ухитрился перейти улицу без ущерба для своего достоинства. Жара спадала, и городок постепенно оживал. Мимо прошла компания подростков, которые с обычной усмешкой покосились на урны, могильные памятники, гробы и венки, выставленные в витрине похоронного бюро.

Прислушавшись к их замечаниям, Люк втянул голову в плечи.

— «Хана им», «крышка», — скорбно поаторил он. — Слышали? Даже сопляки, и те нас теперь не уважают.

— Вурдалаки! — ахнул Эфраим и весь передернулся. — Да меня в жизни никто так не называл!

— Эфраим, — сказал Люк, — наша профессия умерла. Пора взглянуть правде в лицо.

— А если вы все-таки ошибаетесь? — Эфраим не желал сдаваться. — Вдруг это просто временный спад? Может, чума вспыхнет или еще какая эпидемия?

— Никаких шансов, — с горечью сказал Люк. — Мы держались до последнего, Эфраим, но обстоятельства нас доконали. Нам осталось только все распродать и пойти работать на завод пицевых концентратов.

Как это ни было тяжело, но пришла пора расстаться с иллюзиями. Даже Эфраим не мог не согласиться, что надежда на чуму — это воздушный замок. Его очередной вздох прозвучал как свист пронесившегося в небе реактивного лайнера.

— Пожалуй, вы правы, Люк, — уныло проговорил он. — Очень печально, но никуда от этого не денешься. Эх, устроить бы напоследок хоть одни настоящие похороны по первому разряду. — В его глазах сверкнула какая-то новая мысль. — Люк!

— Ну?

— Вы ведь сказали, что наша профессия умерла. Правильно?

— Мы с вами последние из гробовщиков, — изрек Люк. — Когда мы закроем это похоронное бюро, наша профессия перестанет существовать.

— Верно. Но если есть покойник, что с ним обычно делают, а?

— Вы опять за свое?

— Хоронят его, вот что. — Эфраим ликовал. — Теперь поняли, о чем я? Мы с вами устроим еще одну — последнюю — погребальную церемонию на самом высоком уровне и символически похороним нашу профессию. — Тут он обратил внимание на выражение лица Люка. — Вы разве против?

— Против.

— Но почему?

— Да потому, что такую символическую церемонию не воспримут всерьез, отнесутся к ней как к шутке. Вы же слышали тех паршивцев. А представляете, каково нам придется, если мы вздумаем хоронить пустой гроб?

Эфраим представлял.

— Они будут хохотать до колик. — Люк вдруг задумался. — Ну а если гроб не будет пустым? Или никто не узнает, что он пуст?

— К чему вы клоните? — Эфраим уже был не рад, что ему в голову пришла эта дерзкая мысль.

— У меня идея. — Люк несколько раз молча кивнул, разрабатывая в уме план действий. — Мы устроим похороны, но так, что комар носа не подточит. Люди будут думать, что в гробу лежит настоящий покойник. И, веря в это, они отнесутся к похоронам с уважением, а нас с вами никто не поднимет на смех.

— Гениально, — сказал Эфраим. Ему ужас как не хотелось портить настроение своему размечтавшемуся компаньону. — Однако вам не кажется, что вы несколько увлеклись и кое-что упустили из виду? Как мы, к примеру, раздобудем покойника?

— Очень просто. — Люк окинул своего собеседника профессиональным взглядом. — Мы объявим, что вы скончались. Из вас получится отличный покойник.

— А из вас еще лучше.

— Вы старше меня и пользуетесь большой известностью.

— Но идея-то моя, а не ваша, — не уступал Эфраим.

— Бросим жребий, — предложил Люк.

Эфраим проиграл.

Похороны прошли с колоссальным успехом. Это вынужден был признать даже Эфраим. Он был слегка уязвлен тем, что их устройством наслаждался один Люк, но зато он сам выбрал себе гроб, а обилие цветов и венков поражало глаз. Было нанято двадцать плакальщиц и десять носильщиков, школьный оркестр прекрасно исполнил траурный марш из «Саула», и те, кто был знаком с Эфраимом или хотя бы знал его в лицо, а также знакомые его знакомых — все шли за гробом, полные решимости принять участие в этой феерии.

Смертные случаи были столь редки, что производили сенсацию, и Люк, действуя через своего троюродного брата, агента по рекламе, умело использовал прессу и телевидение. Все отели города были забиты до отказа. Владельцы домов, в которых нашлись свободные комнаты, гребли деньги лопатой. Весь мир следил за церемонией, которая транслировалась по глобальному телевидению; полюбоваться этим зрелищем прибыли даже делегации от Ригеля, Веги и ряда других членов Союза Цивилизаций Галактики.

Для Сенте-Форкса это был знаменательный день.

— Пятнадцать заказов, — мурлыкал Люк. — Начиная с дочурки миссис Хоумер, которая хочет, чтобы мы похоронили ее любимую куклу, и кончая Фредом Истербаем, пожелавшим с нашей помощью предать земле свой аппендикс. До сих пор Фред по каким-то соображениям держал его в банке, а теперь вот решил похоронить со всеми почестями.

— Погодите-ка — Эфраим потер воспаленные щеки. Он вместе с остальными участвовал в похоронной процессии, прилепив для маскировки фальшивые бакенбарды, и сейчас страдал от аллергии на клей. — С каких это пор мы пали так низко, что берем за погребение кукол?

— С тех пор, как получили заказы. — Люк деловито взялся за карандаш. — Сейчас посмотрим. У нас есть ореховая доска — ее вполне хватит для гроба — и кусок того белого плюша...

Он сложил несколько цифр, умножил сумму на два, склонив голову, оценил взглядом полученный результат и округлил его.

— Куклу мы потом, конечно, выкопаем. Я учел это в своих расчетах.

— Ничего не понимаю, — сказал Эфраим. — Мы ведь организовали эту церемонию, чтобы символически похоронить нашу профессию. Кристально чистый, благородный конец достойного уважаемого ремесла. А вы мне тут толкуете о потворстве капризам ребенка из богатой семьи. Я был уверен, что после этих похорон наша фирма закроется.

— Я тоже, пока не поступили заказы.

— Это же неэтично.

— Это деньги на банковском счету, — напомнил Люк.

— Деньги — не самое главное в жизни, — ханжеским тоном заявил Эфраим. — Я отказываюсь проституировать свое искусство.

— Вы уже ступили на эту дорожку. Вспомните-ка собачку миссис Чедуэлл.

— Так ведь то было живое существо, которое погибло при трагических обстоятельствах, — возразил Эфраим. — Наша профессия допускала подобные погребения еще до того, как

Сигг Геслигк вонзил нам нож в спину. Другое дело — куклы.

— Почему?

— Это издевательство, вот почему!

— Нельзя издеваться над тем, что не существует. — Люк швырнул в сторону карандаш и откинулся на спинку стула. — Может, вы знаете другой способ избежать банкротства? Ждать заказов на настоящие похороны бесполезно. Их нет и не будет. Люди больше не умирают. И кстати, раз уж пошел такой разговор, не откажите в любезности объяснить, в чем разница между погребением куклы и преданием земле пустого гроба.

— Вы стали другим человеком, — грустно произнес Эфраим. — Это вам успех ударил в голову. Недели две назад вы бы так не рассуждали. Неужели для вас уже ничего не значат традиции нашей профессии?

— Напротив, — не моргнув глазом, ответил Люк. — Однако мне нужна еще пища телесная.

— Но мы ведь договорились, что после этих похорон уйдем от дел. С нашим бизнесом покончено.

— Пятнадцать заказов, — улыбнулся Люк. — Я передумал.

Улыбка его быстро померкла, когда к ним без всякого предупреждения нагрянула беда, неожиданная и, естественно, крайне нежелательная.

Имя ее было Огэстес Блейк, а отправной точкой — само Правительство.

* * *

— Какой позор! — вскрипнул Эфраим. — Ну и попали же мы в переплет — суд, приговор... Лучше б я умер.

Люк воздержался от комментариев. И без того было ясно, что, умри Эфраим по-настоящему, они оба не подверглись бы судебному преследованию по делу, которое возбудил против них Блейк.

— Заговор с целью фальсификации официальных статистических данных, — стонал Эфраим. — Нарушение общественного порядка, вызванное устройством мошеннических похорон. Получение обманным путем дохода от продажи цветов и венков. Инспирация ложных слухов о неэффективности препарата бессмертия, которые повсеместно сеют тревогу и отчаяние. Подрывная деятельность, в результате которой резко ухудшились отношения между Правительством и Ригелианским послом. — Он уставился пустыми глазами на своего компаньона. — Неужели мы действительно все это совершили?

— Так сказал судья.

Сейчас Люка не могли приободрить даже заказы на пятнадцать погребальных церемоний. Он провел по волосам дрожащей рукой.

— Как же он с нами говорил. Каким тоном! Будто мы преступники! Да еще подчеркнул, что делает нам великую милость, заменив тюремное заключение огромным штрафом.

— Если мы его не уплатим, нам не миновать тюрьмы, — заметил Эфраим.

— Сам знаю. — В этот момент по дому разнеслось эхо дверного звонка, и Люк угрюмо сдвинул брови. — Держу

пари, что на нас сейчас свалится новая беда. Или это какой-нибудь наглый молокосос, который поинтересуется, как вы себя чувствуете. Казалось бы, их уже должно мутить от этой дурацкой шутки. Сколько можно!

Он встал и, ворча, пошел открывать дверь. Сидевший за столом Эфраим услышал какое-то невнятное бормотание и приближающиеся шаги нескольких ног. Он поднял взгляд на вернувшегося Люка. Тот был не один. Вместе с ним в комнату вошел ригелианин, высокий, покрытый чешуей гуманоид, с аппаратом звуковидеозаписи, который висел на перекинутом через шею ремне.

«Турист», — с раздражением подумал Эфраим.

— Эфраим, разрешите представить вам Джела Рэнга, — сказал Люк. — А это, мистер Рэнгк, тот самый знаменитый Эфраим Фингл, о котором вы, несомненно, слышали.

— Я присутствовал на вашем в высочайшей степени интересном судебном процессе, — прошипел ригелианин. Говоря, он издавал такие звуки, словно у него вместо голосовых связок был паровой двигатель. — Великолепнейший образец примитивного исполнения правосудия через третейский суд. — Он прикоснулся к висевшему у него на шее ящичку. — Я все сюда записал, чтобы потом смонтировать фильм.

— Очень с вашей стороны любезно, — холодно произнес Эфраим. Он слишком хорошо помнил, что именно ригелианам обязан своим нынешним унижительным положением.

— Невероятно сожалею об упущении возможности запечатлеть погребальную церемонию, в которой причина столь крупных для вас неприятностей, — продолжал ригелианин. — Вот такой фильм стал бы очень, очень ходким товаром для проявляющих любопытство к странным похоронным обрядам, имеющим место на кое-каких планетах. Можно повторить эту церемонию?

— Нет, — сказал Эфраим.

— Надо подумать, — сказал Люк.

— Нет! — упорствовал Эфраим. — Ни за что!

— Хорошо заплачу, — сказал Джел Рэнгк.

Эфраим пересмотрел свою точку зрения.

Стояла поздняя осень, и день выдался холодный. В этот день в Сенте-Форксе (население — 17 106 душ) должно было состояться последнее представление сезона. Эфраим Фингл, необыкновенно элегантный в своем безукоризненном траурном одеянии, критически оглядывал наемных участников процессии, носильщиков, плакальщиков и оркестрантов. В последнюю минуту к нему присоединился Люк. Он лоснился от курортного загара, и от него за версту разило преуспевающим бизнесменом. Кивнув на гроб, Люк поднял брови.

— Что там на этот раз? — быстро спросил он.

— Старые шлепанцы бабушки Хилтон. Она ведь выиграла в лотерею. Шлепанцы она все равно собиралась выбросить, а тут решила, что они заслуживают достойного погребения.

— Шлепанцы так шлепанцы, какая разница. — Люк вдруг

грозно нахмурился. — А ну-ка спрячь свою улыбочку в карман! — набросился он на одного из наемных участников похоронной процессии. — Тебе платят за то, чтобы на твоей роже была скорбь, а не клоунская ухмылка!

Тут оркестр бодро грянул траурный марш из «Саула», и гнев Люка как рукой сняло.

— Им понравился этот марш, — с некоторым смущением пояснил Эфраим.

— Поедем на катафалке?

— А почему нет?

Люк с Эфраимом влезли на катафалк и, когда процессия тронулась с места, изобразили на лицах полное умиротворение. Траурный кортеж свернул на Мэйн-стрит и под деловитое жужжание аппаратов видеозаписи двинулся сквозь строй инопланетных туристов.

Перевела с английского С. ВАСИЛЬЕВА

Рисунки В. ЧИЖИКОВА

На I и IV стр. обложки — рисунок Г. НОВОЖИЛОВА

На II стр. обложки — рисунок Ю. МАКАРОВА к рассказу Артура КЛАРКА «Встреча с медузой».

На III стр. обложки — рисунок А. ЧИЖИКОВА к рассказу А. С. ТАББА «Последние из гробовщиков».

Редакционная коллегия: А. Г. АДАМОВ, А. П. КАЗАНЦЕВ, А. В. НИКОНОВ, А. А. НОДИЯ, В. М. ЧИЧКОВ.

**Редакторы выпуска: О. СОКОЛОВ, В. А. РЫБИН
Художественный редактор Т. ПРОКУДИНА
Технический редактор А. БУГРОВА**

**Издательство ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия».
Адрес редакции: Москва, К-30, Сушевская, 21. Тел. 251-15-00.
доб. 4-10.**

**Сдано в набор 11/XII 1975 г. Подп. к печ. 30/I 1976 г. А07229.
Формат 84×108¹/₃₂. Печ. л. 5 (усл. 8,4). Уч.-изд. л. 10,5.
Тираж 200 000 экз. Цена 20 коп. Заказ 2250.**

**Типография ордена Трудового Красного Знамени изд-ва
ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». 103030, Москва, К-30,
Сушевская, 21.**

